- Леонард Даннинг, - я перекатывал слова во рту, словно пробуя их на вкус. – «Леонард... Даннинг...»

Это все еще казалось странным даже после нескольких повторений. Имя было знакомым и в то же время неуловимо неправильным. Хуже всего было то, что это был мой собственный голос. По крайней мере, судя по студенческому билету в моей руке. Я бросил кусок пластика на кучу связанных бумаг и документов и вздохнул, выжимая еще один стакан холодной воды из своих мокрых волос, с пушистым синим полотенцем, накинутым на плечи.

После того, как я впервые обнаружил свое отражение, я позволил себе четыре с половиной минуты паники, большую часть которых я провел, бегая по дому и крича во всю глотку. Я должен был признать, это было странно освобождающее переживание. Может быть, мне стоит делать это время от времени просто для удовольствия. Но вернемся к сути: после первоначального экзистенциального кризиса у меня все еще хватало присутствия духа, чтобы заставить себя принять холодный душ, который, в конце концов, успокоил меня и дал мне ряд озарений. Прежде всего: никогда больше не принимай холодный душ. Во-вторых: особенно никогда не принимай холодный душ в нижнем белье и без какой-либо сменной одеждой под рукой. Наконец, если бы у меня было время для паники, я мог бы использовать это время более конструктивно.

Поэтому я так и сделал. Сначала я осмотрел весь дом (после того, как нашел сухой комплект нижнего белья, конечно) и сделал ряд открытий.

Открытие номер один: это был относительно просторный семейный дом с двумя этажами, тремя спальнями, гостиной, довольно большой кухней и уже исследованной ванной комнатой. Был еще гараж, но я не смог найти ключи от него, так что я не могу сказать, были ли там какие-либо транспортные средства или нет.

Открытие номер два: я был совершенно один в доме. Мне даже не нужно было проверять комнаты, чтобы сделать вывод, поскольку не было никакого способа, чтобы кто-то проигнорировал мой бессвязный крик, но я все равно сделал это, просто чтобы лишний раз убедиться. Я не мог найти никаких признаков того, что кто-то живет здесь, кроме меня. Другие спальни рядом с моей тоже были меблированы, и кровати были установлены, что еще раз придавало этому месту некую атмосферу высококлассного отеля, но не было никаких реальных

признаков жилья. Кроме того, я нашел в гостиной несколько фотографий в рамках, но ни на одной из них не было видно реальных людей. На самом деле, они выглядели как фотографии, которые кто-то нашел в Google, а затем вставил их в какие-то причудливые рамки, которые лежали вокруг.

Открытие номер три: холодильник был заполнен. Сосиски, бобы, нарезанная ветчина, фрукты, экстра-пастеризованное молоко и так далее. Это было похоже на то, что жители готовились к вторжению зомби. Хм. Может быть, именно поэтому вокруг никого не было? Их съели зомби. Горничная зомби, которая потом убралась. Элементарно, мой дорогой Ватсон.

Шутки в сторону, напоминание о холодильнике сделало мягкое ворчание моего живота немного более явным. Я устало вздохнул, встал, бросил влажное полотенце на подлокотник дивана и взял несколько легких закусок и бутылку колы, прежде чем вернуться к столу со своими бумагами.

Правильно, газеты. С ними тоже было связано несколько открытий, и одно из них-мое настоящее имя. "Леонард Даннинг", - я снова повторил про себя и все еще не мог избавиться в глубине черепа, от ощущения отчетливой странности. Но двигаясь дальше: я также обнаружил, что мне только что исполнилось семнадцать, моя группа крови была отрицательной, моя очевидно отсутствующая девичья фамилия матери была Джейн Доу, и я только начинал свой второй год в средней школе. Кстати говоря, я, по-видимому, был зачислен в школу Блю Черри, что звучало так же глупо при повторном прочтении, как и при первом.

Я также нашел несколько банковских бумаг, согласно которым у меня был счет с более чем двумя с половиной миллионами Джен на нем, с ежемесячным доходом больше восьмидесяти тысяч, очевидно, переведенных со счета моего пропавшего отца. Я был бы очень рад этому, если бы знал хоть что-нибудь о том, сколько стоят эти деньги. А пока, пожалуй, я буду притворяться богатым, пока не докажу обратное. Уууу.

Следующей моей целью был календарь на стене. В соответствии с ним сегодня было первое сентября в 20XX году. Я, вероятно, был бы более удивлен всей этой "20XX" вещью при нормальных обстоятельствах, но на данный момент я решил просто смириться. Я тоже невольно взглянул немного влево и положил глаза на большие дедушкины часы, которые беззвучно тикали одну секунду за другой. При взгляде на часы у меня возникло странное

ощущение в животе, которое медленно опустилось. Было 8: 43... это означало ... черт возьми, я опоздал!

Я развернулся, и ноги уже были готовы унести меня прочь, когда мои высшие мозговые функции снова проявили себя, и я замер на полпути. Подождите минутку... Куда я опять опоздал?

Я посмотрел между календарем и бумагами на столе, и ответ быстро представился: школа, конечно. Было первое сентября, и это означало новый учебный год со всеми вытекающими из него учебой, дружбой, романами и прочими неприятностями. Что, как оказалось, также покрывало все вещи, которые я не хотел взваливать на плечи в данный момент. Я имею в виду, я потерял все свои воспоминания. Я думаю, что это дает мне право сделать некоторое послабление, например, в качестве пропуска дня или двух. С этой мыслью я развернулся и направился к дивану. К сожалению, в тот момент, когда моя пятка коснулась пола, внезапная головная боль напала на мои чувства, и мои колени почти подогнулись.

Я начал ругаться и сделал еще один шаг, но, к своему ужасу, обнаружил, что поворачиваюсь против своей воли. Я собрался с духом и снова остановился только для того, чтобы головная боль пригвоздила еще один шип агонии в мой затылок. Мои ноги сделали еще один шаг, и я почувствовал панику, поднимающуюся из глубины живота. Я понятия не имел, что происходит, но даже под постоянным натиском головокружительной боли, опустошающей мои чувства, мне удалось сложить два и два: каким-то образом мое тело пыталось доставить меня в школу, соглашался я или нет. На мгновение я почувствовал себя непокорным. Черт возьми, я не хотел подчиняться какому-то бестелесному побуждению просто так!

Словно в ответ на мои мысли, новый всплеск жгучей боли вспыхнул у меня между ушами, и я чуть не упал на колени. Казалось, целую вечность я полностью терялся в волнах боли и должен был ухватиться за стену, чтобы не рухнуть на месте. Такая боль была ненормальной. Это было в моей голове, но в то же время, казалось, что все мое тело болело, как будто мое восприятие сузилось в маленький шар, который представлял всего меня, и он был подожжен, а еще его били кувалдой.

Затем, как раз, когда боль была самой сильной, совершенно новая идея пробилась на передний план моего ошеломленного ума: Почему я снова хочу избежать школы? Как бы это ни было

неприятно, лучше всего было бы установить контакт с другими людьми, чтобы понять, что происходит. Не говоря уже о том, что не так с учебой, дружбой, романами и другими разнообразными проблемами?

Предполагаю - ничего. Я закрыл глаза и сделал шаг, но не успел опомниться, как уже поднимался по лестнице. К тому времени, когда я добрался до комнаты, где проснулся (полагаю, это была моя комната), головная боль почти исчезла, вместо этого ее сменил пьянящий туман, окутавший мои мысли, который не только маскировал остаточную боль, но и вызывал легкое головокружение. Вероятно, адреналин, предположил я и быстро смел его прямо под пресловутый ковер в одном из пыльных (и в настоящее время совершенно пустых) закоулков моего сознания. Я решил, что подумаю об этом позже, а сейчас я должен сосредоточиться на том, чтобы собрать свои вещи.

Во-первых, мне нужна была одежда. Я уже проверил свои шкафы, когда искал сухое белье, поэтому я точно знал, где найти униформу. Да, у Блю Черри Хай, по-видимому, был единый дресс-код. Я достал школьный комплект и положил его на кровать. Он состоял из белой рубашки, темно-серого жилета с брюками в тон, пиджака цвета хаки и, наконец, черного галстука. В то время, как выбор цвета был довольно неортодоксальным, в целом это выглядело, как совершенно обычная японская школьная форма. Кстати говоря, я получал свое содержание в Йенсе. Был ли я в Японии? Это была не совсем та же валюта, но она была близка по звучанию, и школьная форма была стереотипно японской вещью, не так ли? Я проигнорировал маленький уголок моего сознания, который жаловался на то, что я знаю о японцах, но не имя моего собственного отца, но я быстро проигнорировал его и поздравил себя с выводом. Но это было не идеально. Например, если это Япония, то почему новый учебный год начался осенью, а не весной? Не говоря уже о том, что я был совершенно уверен, что я не азиат.

Я покачал головой и резко выдохнул. Позже. Я буду думать об этих вещах позже. А сейчас давай сосредоточимся на том, чтобы сориентироваться и тащить мою задницу в школу. Там у меня будет целый день, чтобы все обдумать.

С этой мыслью я быстро оделся, хотя найти носки оказалось непросто. Кто вообще кладет носки на верхнюю полку шкафа? Ба. Одевшись, я схватил свою школьную сумку и направился к выходу, зайдя в гостиную только для того, чтобы взять по дороге студенческий билет и бумажник. Я оставил бумаги лежать на столе. Если мои неучтенные родители не вернутся раньше меня (в чем я искренне сомневался, учитывая состояние дома), я заберу их после обеда.

Я вышел на улицу и привычными движениями запер за собой дверь. Излишне говорить, что я понятия не имел, откуда узнал, что ключ лежит в боковом кармане моей школьной сумки, но не успел я опомниться, как он уже был у меня в руке. Я тряхнул головой, чтобы прогнать туман, притупляющий мои мысли. Это не очень помогло, поэтому, в конце концов, я просто пожал плечами и убедился, что дверь заперта правильно, прежде чем вставить ключ на место. С этими словами я повернулся и впервые внимательно оглядел окрестности.

Мой дом ... ну, дом, где я проснулся, по крайней мере, был одним из нескольких более или менее одинаковых зданий, выстроившихся вдоль улицы около перекрестка. Все это были семейные дома с белыми стенами и красными крышами, с небольшим садом на заднем дворе и входами, выходящими почти прямо на тротуар.

Говоря о тротуарах, холмистая улица была устрашающе тихой. Кроме отдаленных и странно повторяющихся звуков уличного движения с какими-то птичьими криками, раздающимися сверху, больше ничего не было слышно. Во время моего спокойного путешествия в Блю-черри-Хай я не встретил ни одной души. Честно говоря, мне потребовалось всего пятнадцать минут, чтобы дойти до школьных ворот, и большую часть этого времени я потратил на переулки и случайные короткие пути через узкий переулок между двумя зданиями, но даже тогда я должен был кого-то увидеть.

Я не только не встретил ни одного человека, но и не мог найти никаких признаков жизни, ни машин, ни домашних животных... я даже не мог найти птиц, от которых исходили звуки. Я также не видел никакого мусора или грязи на обочине дороги. В трещинах не было даже сорняков... или трещин, если уж на то пошло. Обычно, я, возможно, даже не замечал всего этого, но мой предыдущий опыт с безупречным домом уже привел меня в чувство. Городское управление, должно быть, было заполнено аккуратными уродами. Или... Хммм.... Может быть, моя гипотеза о зомби-горничной, все-таки, не так уж неправдоподобна?

В любом случае, поскольку смотреть было не на что и разговаривать не с кем, и особенно потому что, я понятия не имел, куда иду, а вместо этого просто позволил ногам нести меня (они наверняка знали дорогу лучше, чем я), я решил покопаться в своей школьной сумке, чтобы скоротать время. Там тоже было не на что смотреть. Несколько записных книжек. Ручки и другие разнообразные письменные принадлежности. Просроченная библиотечная книга под названием "Легенды Британских островов" с закладкой на короле Артуре и его круглом столе. Ничего интересного.

Моя последняя находка, однако, была довольно удивительной. На самом деле это было так удивительно, что я даже не узнал его на мгновение. Это был телефон. Один из этих "тупых телефонов", причем более старой модели. Из тех, что можно использовать, чтобы ударить кого-то по голове, даже не помяв. То есть телефон. Я бы не гарантировал то же самое в отношении черепа человека. После некоторой возни я понял, как снять блокировку (просто кто, черт возьми, думал, что нажатие на звездочку в течение трех секунд, а затем нажатие кнопки выключения было разумной идеей?) Я тут же просмотрел свой список контактов. Это было своего рода разочарованием.

В нем было только одно имя: Джошуа Бернштейн. Я ожидал бы, по крайней мере, еще несколько номеров, как у моих родителей. Моя история звонков тоже не отличалась большим разнообразием. Кроме этого парня Джошуа, был только один звонок с номера, который я, очевидно, не знал. Может, это все-таки один из номеров моих родителей? Я решил попробовать позвонить ему позже. Пока я просто сохранил его в своей телефонной книге под названием "таинственный номер X".

Примерно в это время я подошел к школьным воротам. Я сунул телефон обратно в сумку и внимательно посмотрел на Блю-Черри-Хай. Честно говоря, это было довольно неприятное зрелище: большое блочное здание, окрашенное в довольно нейтральный оттенок синего, с большими белыми подоконниками. К всеобщему удивлению, он выглядел таким же нетронутым, как и все остальное, с чем я столкнулся с тех пор, как проснулся.

Я все еще наблюдал за его плоской, огороженной забором крышей (без сомнения, одной из тех стереотипных, куда студенты ходят во время обеденных перерывов, чтобы участвовать в неловких романтических эскападах), когда меня поразил звонкий звонок. Первый урок уже закончился? Размышляя над этим вопросом, я в очередной раз вздрогнул, когда металлическая калитка передо мной беззвучно скользнула в сторону. Я моргнул на открытые ворота и осторожно оглядел высокую белую кирпичную стену. Мои глаза встретились с глазами парня примерно моего возраста. На нем была та же форма, что и на мне, за исключением ярко-красной повязки на плече. Его телосложение было довольно уравновешенным, лицо изможденным, а маленькие очки делали его глаза впалыми.

Наши глаза встретились, но он только посмотрел на меня пустым взглядом, в результате чего мы оба просто молча смотрели друг на друга некоторое время. Что бы он ни думал о моем позднем появлении, я не в силах был понять. На самом деле он казался совершенно неподвижным, как восковая статуя. Я даже не был уверен, что он дышит. Наконец я слегка кивнул ему, и, к моему облегчению, он ответил мне тем же, хотя и с небольшой, но заметной

задержкой. Было ли это из-за раздумий или замешательства, я не знал, да мне было все равно. Вместо этого я пробормотал вполголоса какие-то приветствия и ускорил шаг по направлению к главному входу.

По другую сторону широких стеклянных ворот я обнаружил еще один элемент японской системы образования-шкафчики для обуви. Может быть, я все-таки был в Японии. Это, вероятно, сделало бы меня студентом по обмену, предположил я. Это действительно объяснило бы некоторые вещи, хотя все еще недостаточно, чтобы понять мою ситуацию. Размышляя таким образом, мое тело уже отвело меня к моему шкафчику, и я без сучка и задоринки надел темно-серые домашние туфли. К всеобщему удивлению, туфли тоже были совершенно новыми.

Я запер свои уличные туфли и направился в класс. Я понятия не имел, какой именно, поэтому просто переставлял ноги, надеясь на лучшее. Эй, это срабатывало для меня до сих пор, не так ли? В этот момент я уже даже не удивлялся, но интерьер школьного здания был таким же безупречным, как и все остальное. К тому времени, как я добрался до третьего этажа, остальные ученики уже начали выходить из классов, заполняя тишину коридоров глухими шагами.

Оглядываясь вокруг, я почти подтвердил свою идею о том, что это Япония. В то время как некоторые из лиц, смотревших на меня, были своего рода азиатскими, подавляющее большинство, казалось, имело смешение черт, которые делали невозможным получить что-то более конкретное, чем "светлокожий", когда речь шла о них. Ну, сказать, что они "оглядывались на меня", тоже было бы преувеличением. Хотя все присутствующие вели себя как старшеклассники на перемене, в них было что-то странное. Их глаза казались остекленевшими, и даже когда они разговаривали с кем-то рядом, обычно занимаясь какой-нибудь мелкой темой, например, погодой, их взгляды были отстраненными и рассеянными. Вершиной странности было то, что если я смотрел на кого-то из них слишком долго, то чувствовал, что они не были на самом деле "там", а только занимали пространство. Это было безумие. Или, может быть, это я сошел с ума, если вообще подумал о чем-то подобном. Ни один из вариантов меня не взволновал.

Но вернемся к остальным ... еще одной странной деталью, которую я быстро заметил, было отсутствие различных типов телосложения. Мальчики обычно имели широкие плечи и были примерно на голову выше девочек. С другой стороны, девочки были довольно невысокими, стройными и в меру хорошенькими. Нет, вычеркните слово ‘умеренно’. Среди них не было ни одной непривлекательной.

Хотя, если подумать, если вынуть кого-то из них из контекста и посмотреть на них по отдельности, все они были довольно привлекательны. После того, как вы бросили их обратно в смесь, однако все они выглядели как один монотонный сгусток чистой невнятности. Я даже не был уверен, что смогу отличить их друг от друга, если настанет такая необходимость.

Кроме того, хотя они и не выглядели точно так же, я не мог не чувствовать, что изменение было только поверхностным. Все были в меру красивы, словно вырезаны из одной и той же формы и слегка подправлены впоследствии. Если бы не различные прически и цвета (которые также включали в себя несколько оттенков напоминающих техниколор, хотя я обнаружил, что это гораздо менее удивительно), я бы поклялся, что это была школа, походит больше на инкубатор, который учит детей, выведенных из одной яйцеклетки.

Я задался вопросом, как я мог бы поместить эту новую кучу информации в мою гипотезу апокалипсиса и зомби-горничной, когда мой ход мыслей был прерван моими ногами, резко остановившимися перед классом. ‘З-С‘, или, по крайней мере, так было написано на табличке над открытой раздвижной дверью. Наконец-то я пришел. Я сделал глубокий вдох, чтобы собраться с духом, и шагнул внутрь. Классная комната была такой же, как и все остальное здесь: чистой, незнакомой и заполненной странными людьми. Кроме того, это не всколыхнуло никаких воспоминаний. Я разочарованно вздохнул и присмотрелся, все еще стоя под дверным косяком.

Об интерьере классной комнаты говорить было особенно не о чем. Ряды столов, классная доска, пара шкафчиков для хранения вещей в глубине ... обычные вещи. О моих очевидных одноклассниках тоже было нечего сказать. Они выглядели лишь немного менее однородными и пустыми, чем все остальные, но это мало о чем говорило. Мои глаза обежали комнату, и я честно чувствовал, что могу видеть сквозь них. То есть до тех пор, пока мой взгляд не встретился с "его".

Он сидел за столом у окна в дальнем конце комнаты и смотрел прямо на меня. В ответ я бросил на него насмешливый взгляд, и он неожиданно улыбнулся-первое открытое человеческое выражение, которое я видел с тех пор, как себя помню, иначе говоря, "с сегодняшнего утра". Это заставило меня вздрогнуть от того, что я думал, было смесью волнения и облегчения. Не успел я опомниться, как ноги сами понесли меня к нему, и на этот раз я не возражал против их независимых действий.

- Эй! - Он лениво махнул рукой и сверкнул понимающей улыбкой. – «У тебя есть яйца, чтобы вот так пропустить вступительную церемонию».

У него было беззаботное выражение лица, и почему-то его глаза казались чрезвычайно "живыми" по сравнению с тусклыми взглядами, которые я встречал до сих пор. Его короткие темные волосы резко контрастировали с бледной кожей, но он не казался болезненным. Во всяком случае, он выглядел как раз наоборот-человекоподобный сгусток здоровья и энергии. На нем не было пиджака цвета хаки, и полы рубашки торчали из-под его серых волос, что казалось не столько результатом ленивого одевания, сколько преднамеренным выбором моды.

- У меня ... были кое-какие проблемы утром, - неуверенно ответил я, и его лицо заметно напряглось, услышав мои слова. Знал ли я его? Судя по его тону я, наверное, все-таки знал...

- С тобой все в порядке? - Он казался обеспокоенным. Черт, это почему-то заставляло меня чувствовать себя виноватым.

- Нет, - ответил я с напускной небрежностью, рефлекторно бросив свою сумку на стол рядом с его. Значит, это было мое место. Полагаю, это объясняет, откуда я его знал. После некоторого размышления я добавил: - «просто легкий случай ретроградной амнезии».

Его лицо на мгновение стало пустым, и он устало вздохнул.

- И тут я чуть было не забеспокоился, - проворчал он. – «Ты не должен шутить о таких вещах».

- Вовсе нет, - поспешно возразил я. Теперь, когда я подумал об этом, нарушение темы как это,

действительно звучало как шутка. О чем я только думал?

- Конечно, - он закатил глаза. – «Но это дружеский совет, не пытайся оправдаться перед Энджи. Она уже достаточно разозлилась на тебя за то, что ты сбежал, не подбрасывай больше топлива в огонь».

- Энджи? - Если мой голос звучал растерянно, то, скорее всего, потому что, так оно и было. Я действительно не мог понять, что он говорит. Он снова вздохнул.

- Ты действительно хочешь продолжать в том же духе? Ладно, будь моим гостем, просто позволь мне уйти от перекрестного огня, когда придет время, хорошо? Сегодня ты уже втянул меня в горячую воду, и я не хочу углубляться. И вообще, откуда мне было знать, где ты? - Он продолжал ворчать, пока не заметил выражение моего лица, после чего бросил на меня пытливый взгляд. Я воспользовался секундным молчанием, чтобы задать простой вопрос.

- Могу я спросить тебя только об одном?

- Стреляй, - пожал он плечами.

- Кто ты такой?

Его глаза широко раскрылись, став как блюдца, и он наконец выпрямился и посмотрел мне в глаза. – «Ты ведь шутишь, да?» - Я покачал головой так торжественно, как только мог в данных обстоятельствах, и его лицо стало еще бледнее, что уже было по умолчанию. – «Ты же не серьезно ... это я, Джошуа!» - Как только эти слова слетели с его губ, его глаза мгновенно сузились, и он подозрительно прищурился. – «Погоди, это ведь не одна из твоих дурацких шуточек?»

- Какие шуточки?

- Те, которые ты все время выдаешь.

- Не знаю, я ничего не помню.

Он помолчал секунду и снова с сомнением посмотрел на меня.

- Ты действительно прямо сейчас пугаешь меня. Клянусь Богом, если ты меня просто разыгрываешь, я тебя ударю.

Я закатил глаза. – «Я не ... компьютер?» - Я сделал паузу и почувствовал, как мои брови нахмурились. – «Подожди, что?»

В этом не было никакого смысла. Какая связь между тем, что он ударит меня и компьютером? Внезапно, в каком-то уголке моего сознания возникло ощущение, что слова застряли у меня в горле. В этом буксире была заложена идея, что-то о потерянных воспоминаниях, оперативной памяти и компьютерах и ударах по ним, чтобы исправить их, и... это не имело никакого чертова смысла! Это была даже не шутка, а полная непоследовательность! Какого черта я должен ...

Я невольно зашипел. Утренняя головная боль вернулась с удвоенной силой. Жгучая боль пронзила мой череп, и мне пришлось схватиться за стол, чтобы не упасть. Я стиснул зубы и попытался выпрямиться, но от этого мои ноги задрожали еще сильнее.

- Эй! Ты в порядке? - Голос Джошуа звучал отстраненно. Мой мозг был слишком занят обработкой боли, чтобы потрудиться сформулировать ответ. Я с силой вдыхал и выдыхал в ровном темпе, пытаясь сосредоточиться на ритме своего дыхания, а не на боли. Это немного помогло, но, в конце концов, оказалось просто каплей в море. Головная боль вместе с желанием сказать что-нибудь совершенно глупое становилась все сильнее и сильнее, и вместе с ней мое поле зрения медленно сужалось в серый туннель.

Затем в моей голове возникла новая мысль, выскочившая из наполненного болью тумана, как вспышка молнии. Просто скажи это. Просто соглашайся с тем, что тебя заставляет. Как и утром. Посещение школы заставило боль уйти. Просто скажи свое слово, и все будет кончено.

Да, это сработает, признал я. Я мог бы попытаться объяснить это позже. Рационализировать его. Я с трудом сглотнул и в момент слабости открыл рот... но тут другая мысль поднялась на поверхность моего сознания подобно гигантскому пузырю и лопнула с громоподобным ревом негодования.

Черт возьми, я собирался подчиниться им! Ни один кровоточащий голос в моей голове не заставит меня сделать что-то настолько глупое, даже если этот голос мой! С рычанием я захлопнул рот, и острая боль сдула часть тумана, окутавшего мой разум, оставив во рту привкус железа. Похоже, я прикусил язык. Я поспешно разжал зубы и моргнул. Джошуа все еще сидел на своем месте и выглядел обеспокоенным. Глядя ему в глаза, я снова почувствовала головную боль, поэтому отвел взгляд и покачал головой.

- Я должен выбраться отсюда... - пробормотал я больным языком, и он потянулся за мной, но его слова не были услышаны. Я почувствовал слабый рывок сзади за куртку, но потом высвободился и выбежал из класса, с каждым шагом чувствуя себя так, словно пробираюсь сквозь глубокую воду. Я бежал по коридору, а студенты направо и налево бросали пустые взгляды в мою сторону, только чтобы вернуться к тому, что они делали заранее, как только я уходил.

Я бежал и бежал без направления. В ушах у меня зазвенело, и я не сразу понял, что это мое

собственное дыхание. Мои ноги отяжелели, а боль в голове продолжала биться вместе с бешено колотящимся сердцем. К этому моменту первоначальные неотразимые мысли исчезли, а на смену им пришло желание вернуться в класс до начала следующего урока. – «К черту это», - пробормотал я в полубреду, пробегая по другому коридору. Я полностью потерял чувство направления, и в этот момент я бежал ради бега.

Мне нужно было место. Где безопасно. Вдали от классной комнаты, головной боли и безумных мыслей, которые были моими, но почему-то не были. Место, как… “крыша”, я задыхался, когда остановился у лестницы и прислонился к стене на мгновение. Да, крыша подойдет. До обеденного перерыва там никого не будет. Я мог думать там, не беспокоясь. Может быть, свежий воздух тоже поможет.

Я собрался с силами и начал взбираться по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Мои ноги ослабли, а боль в голове заставила мой желудок неприятно сжаться. Я отогнал эти ощущения и продолжил восхождение. Крыша, я просто должен был добраться до крыши… и вот тогда я поскользнулся. Оглядываясь назад, бежать вверх по лестнице, едва держась на ногах, было, вероятно, не самой блестящей идеей. Я чувствовал, как центр тяжести медленно смещается назад, но мой лихорадочный ум был все еще слишком занят мыслями о том, как добраться до крыши, чтобы заметить опасность. Затем, когда я наконец осознал всю серьезность ситуации, мое зрение затуманилось, и я почувствовал, что парю в воздухе.

Я даже не успел удивиться, как в мгновение ока моя спина ударилась о твердую бетонную плитку и выбила из меня дыхание, которое я едва заметил, поскольку моя голова также ударилась об пол сразу после этого. Впервые в жизни я понял, что люди имели в виду, когда говорили, что видят звезды. Яростные вспышки света, пляшущие на моих веках, заставили меня на мгновение забыть даже о боли и тошноте, но это длилось недолго. Вместо этого теперь мне было еще больнее, чем раньше.

Я громко застонал и инстинктивно обхватил голову руками, что только усилило тошноту. Теперь, когда у меня было сравнение, я должен был сделать вывод, что моя головная боль была неестественно острой до такой степени, что недавняя травма от удара тупым предметом казалась положительно рассеянной и управляемой. Какое-то время, а может быть, и несколько минут, я продолжал лежать на земле в позе эмбриона, держась за голову, пока тошнота не утихла. И тут я кое-что заметил. Дул слабый ветер. Мало того, я чувствовал на своей коже солнце.

Мне потребовалось некоторое усилие, чтобы открыть глаза, и передо мной предстал ошеломляющий вид. Я был на крыше. Удивление и растерянность, вероятно, были вызваны небольшим всплеском адреналина, так как боль на мгновение утихла, и я мог сидеть с относительной легкостью и смотреть на утренний горизонт. В этом не было никаких сомнений, я действительно был на крыше.

Но как? В последний раз я вспомнил, что бегу вверх по лестнице, а в следующий момент уже был здесь. Я покачал головой, что в ретроспективе оказалось плохой идеей, так как это почти заставило меня опустошить мой желудок. Отлично, похоже, что у меня была не только ретроградная амнезия, но и пустые места в недавних воспоминаниях. Это или недавняя травма головы заставили меня отключиться.

Посидев неподвижно еще несколько минут, я осторожно поднялся на ноги. Я чувствовал себя нетвердо и слабо, ноги горели. Я находился примерно посередине крыши, поэтому решил перебраться на одну из скамеек в ближайшем углу и плюхнулся на нее с усталым вздохом.

Головная боль, казалось, не скоро пройдет, но, по крайней мере, она не стала хуже. Как насчет хороших новостей? К счастью, какое бы желание ни дергало меня за ниточки, оно почти отсутствовало, хотя я не мог не думать о том, чтобы регулярно возвращаться в класс. Я снова вздохнул и еще несколько минут смотрел на облака.

Больше я ничего не мог сделать. Сначала я хотел забраться на крышу, чтобы избежать классной комнаты и дать мне немного пространства для размышлений. Первое было выполнено хорошо, но я просто не мог думать прямо с болью, пульсирующей в моем мозгу и покрывающей все красным туманом. Я потер лоб, а потом шишку на затылке, которая сильно распухла. Но это не помогло.

Но с другой стороны, почему я так страдаю? Если бы я только вернулся в класс…

- Нет…

Право, в этом нет никакого смысла. Я хотел подумать, но сейчас это невозможно. Я должен просто вернуться в класс…

- Нет.

Занятия все равно скоро начнутся, я не должен больше пропускать занятия, иначе она будет злиться на меня…

- Я даже не знаю, кто такая "она"!

Мне нужно просто идти и…

- ЧЕРТ, НЕТ!

Мои ноги снова были готовы двигаться самостоятельно, но в последнюю секунду я перехватил их движение, ухватился за забор обеими руками и ударился лбом о толстый металлический столб, поддерживающий его. Раздался громкий, гулкий стук. Я не мог сказать, шел ли он от шеста или от моей головы, но в любом случае, он на мгновение снова наполнил мое зрение искрами и очистил мой разум от непроизвольных мыслей. Боль отступила, как вода, которую отшвырнуло ударом, но затем она нахлынула с удвоенной силой.

- Нет! - Крикнул я, сопровождая его еще одним ударом головой. – «Я никуда не пойду! Хватит с меня этой головной боли, хватит с меня этих мыслей, хватит с меня всей этой ерунды с амнезией!» - Я продолжал кричать, перемежая свои слова ударами по голове снова и снова. Это было странно. Чем сильнее болел лоб и горели глаза, тем сильнее отступала головная боль.

Это было похоже на то, как если бы его отбрасывали назад по одному удару за раз.

Наконец, при последнем ударе что-то сломалось. Я не знал как, но я просто знал это. Сначала я испугался, что это мог быть мой череп, но треск и скрежет, наполнявшие мои уши, больше походили на трейлер, полный бокалов с шампанским, которые топчутся под колесами бульдозера. Мир вокруг меня изменился, бесформенные цвета заплясали в моем видении, и мне потребовалась вся оставшаяся сила воли, чтобы удержаться за забор, мои пальцы стали фиолетовыми от усилия. Я лишь отдаленно заметил, что начал опорожнять желудок. Кислота, обжигавшая горло, была лишь слабым дискомфортом.

Наконец, когда боль, тошнота, шум и свет достигли крещендо, все прекратилось. Это было так неожиданно, что я отшатнулся от забора и упал на задницу. Позывы и головная боль исчезли, но на смену им пришли другая головная боль и нарастающая тошнота.

Мой лоб болел как черт, а затылок все еще ныл, но все это было довольно приятно по сравнению с моим предыдущим опытом. С другой стороны, мои пальцы чувствовали себя гораздо более неуютно. То, как я держался за забор, оставляло на них глубокие следы, и они становились фиолетовыми, посылая толчки боли через мои руки каждый раз, когда я двигал ими.

- Ну, это будет еще более неудобно позже. Радуйся.

Сказав это, я все же выудил из внутреннего кармана пиджака носовой платок (думаю, он прилагался к форме) и вытер рот. Так как на завтрак у меня было только несколько закусок, лужа в углу крыши состояла исключительно из желудочной кислоты, и бетонные плитки уже впитали большую ее часть. По крайней мере, об этом я не думаю.

Я убрал платок и попытался встать, но мои ноги были словно сделаны из желе. Какое-то время я напрягался, но, в конце концов, снова почувствовал тошноту. Оглядываясь назад, я бы не удивился, если бы получил сотрясение мозга из-за того маленького трюка со столбом. Иди разберись.

Я решил немного полежать, по крайней мере, пока мир не перестанет вращаться. Бетон оказался на удивление теплым и, главное, твердым. Я никогда не думал, что твердая почва может быть такой обнадеживающей. Итак, я прогуливал занятия на крыше под теплым осенним солнцем. И что в этом хорошего? Не было никаких надоедливых случайных мыслей, пытающихся убедить меня пойти. Это было чистое блаженство.

Я слышал отдаленный звон колокольчика, означающий начало второго урока, и мне было все равно. Я почувствовал тепло и головокружение, мои веки налились свинцом… я закрыл их, и тошнота немедленно отступила. Ах. Я думаю, что должен оставить все так на некоторое время, решил я. Всего на несколько секунд…

http://tl.rulate.ru/book/31785/688291